

**Иронические
юморески**

Предисловие автора

Писать предисловие, скажу я вам, — это самое последнее дело для автора. Последнее — в том смысле, что автор обычно берётся за предисловие уже после того, как написал книгу, — в последнюю, так сказать, очередь. Ведь задумав книгу, ещё толком не знаешь, что из неё получится. Как же тут писать о ней? Сам автор, будь он хоть семи пядей во лбу, не сможет на этот вопрос ответить. Вместе с тем дело это последнее не только в прямом смысле слова, но и в переносном, то есть в том смысле, что писать предисловие — занятие вообще муторное, неприятное, не доставляющее никакой творческой радости. С одной стороны, в предисловии автору обычно хочется сказать о том, почему он написал свою книгу так, а не иначе. А он и сам часто не знает, почему именно написал так. С другой стороны, ему обязательно хочется объяснить читателю, как следует понимать его книгу, в то время как он (то есть автор) и сам иной раз не знает, как именно её следует понимать. Хоть он (автор этот самый) и понимает, что не понимает, что и как надо понимать в его книге, но всё же берётся писать предисловие, надеясь, что, пока пишет, он и сам что-нибудь наконец поймёт. И это, между прочим, не лишено основания (нечего тут смеяться). Неспроста процесс литературного творчества сравнивают часто с научным исследованием. В процессе писания автор как бы исследует тот или иной кусок жизни и, написав своё сочинение, уясняет для

себя тот или иной вопрос — обогащается каким-то знанием. Ну, и заодно обогащает читателя. Разумеется, если у читателя есть желание обогащаться, то есть в том случае, когда он читает книгу не для того, чтоб поскорей заснуть.

Итак: «Иронические юморески».

У пытливого читателя сразу может возникнуть вопрос: почему «иронические», а не какие-нибудь ещё?

Объясняем.

«Иронические» — потому, что наиболее распространённым художественным средством, из числа тех, которые автор употребил при написании предлагаемых читателю литературных этюдов, является ирония. Ирония же, как известно каждому, кто изучал литературу в школе (если, конечно, изучение это происходило не при помощи одних шпаргалок), — это такой оборот речи, фраза, слово, в которых притворно (с целью насмешки) утверждается противоположное тому, что думают о каком-либо лице, явлении или предмете.

С иронией школьники знакомятся в довольно ранний период обучения, а именно когда «проходят» басню Крылова «Лисица и Осёл». В этой басне есть такие слова, с которыми Лисица обращается к встреченному ею Ослу:

Отколе, умная, бредёшь ты, голова?

Преподаватель обычно объясняет учащимся, что хитрая Лиса называет Осла умной головой, в то время как сама-то считает его, безусловно, глупым. Это и есть ирония. Пример с беднягой Ослом считается вообще классическим и приводится чуть ли не во всех учебниках по теории литературы.

Мы и сами часто употребляем в нашей обычной, повседневной жизни иронию, когда, вместо того чтобы сказать кому-нибудь, к примеру, «дурак», говорим «умник». «Умник» — это уже не так грубо, как просто «дурак», а более, так сказать, вежливо, деликатно, более, так сказать, современно, что ли. Существует научная гипотеза, то есть предположение, что первобытный че-

ловек вообще не знал иронии, а бұхал, как говорится, всё в прямом смысле. И принимал, опять же, всё сказанное за чистую монету, что приводило подчас к нежелательным осложнениям, в результате которых обычное словопрение переходило в рукопашную схватку. Но теперь времена не те. С тех пор мы стали не в пример мягче, уживчивей и тактичней: стали говорить не всё прямо, но и несколько, как бы это сказать, уклончиво, обиняком, намёком, иносказательно. Ирония, таким образом, родилась из потребностей жизни и свидетельствует о прогрессивном развитии общества, о нашем неуклонном движении вперёд.

В искусстве, каковым является и художественная литература, ирония — это один из видов метафоры, иносказания, без которых вообще немыслима никакая художественность. Как и в жизни, ирония употребляется в литературе не только ради изящества языка (деликатности), но и ради содержащейся в ней насмешки, то есть для осмеяния, для осуждения какого-либо нежелательного явления жизни. Ирония, таким образом, помогает читателю уяснить авторскую позицию, иначе говоря, помогает понять, как сам автор относится к описываемому предмету, событию или изображаемой личности, то есть считает он их хорошими или плохими. Можно не сомневаться, следовательно, что ирония — не какая-нибудь новомодная придурь, а штука полезная, нужная.

Ирония, родившись, живёт. И мы живём вместе с ней и уже не можем без неё обойтись, как не могли бы обойтись одними каменными топорами и деревянными палками, которыми пользовались наши доисторические пещерные предки. Читатель, читая, должен постоянно думать, в каком значении автор употребил то или иное слово, и внимательно следить, нет ли здесь какого-нибудь подвоха или иносказания, что имеет свою полезную сторону, поскольку ум читателя благодаря этому находится всё время в деятельном состоянии. Автор как бы заставляет читателя непрестанно (если тут позволительно такое выражение) шевелить мозгом, не давая ему задремать над книгой.

В этом, кстати сказать, и заключается секрет художественности. Читатель, шевеля мозгом, как бы самостоятельно додумыва-

ется до выводов, на которые его хотел натолкнуть автор, и как бы соучаствует в творчестве, то есть в какой-то мере повторяет тот процесс, который проделывал автор, когда писал своё сочинение. Это, конечно, трудно, так как требует от читателя постоянных мозговых усилий. Главное же — нужно разбирать, где автор говорит просто по-человечески, а где прибегает к художественной иносказательности. Ведь никакой автор не может говорить одними иносказаниями. Это было бы равносильно тому, как если бы кто-нибудь попытался печь пироги из одной начинки, то есть без теста. А какие же пироги без теста? Это уже и не пироги вовсе!

Ну, конечно, очень может случиться, что при таких обстоятельствах какой-нибудь читатель чего-нибудь и не поймёт в книге, но это всё же не может служить сигналом к тому, чтобы исключить из литературного арсенала иронию, метафору, аллегорию и тому подобные средства художественной выразительности. Такому читателю можно прямо сказать, что ему надо учиться, надо подтягиваться под общий уровень. Нельзя же норовить прожить жизнь так, чтоб чему-нибудь и не научиться. Да и, сказать по правде, таких читателей у нас не так много. Они ещё есть кое-где, но не они всё же определяют общее, так сказать, читательское лицо. В общем и целом читатель не такой дурак, и нечего бояться, что он не поймёт какой-нибудь шутки, аллегории или иронии. Как сказал один мудрый узбек: «Хозяину нечего бояться, что у гостя из пирога выскочит начинка». Так что писателю не для чего печь свои пироги пустыми, то есть из одного теста, а если у какого-нибудь гостя, то бишь читателя, что-нибудь там и выскочит изо рта или из пирога, то это уже его личное читательское дело. На писателя за это не следует быть в обиде.

А теперь перейдём к слову «юморески».

Автор употребил это слово для того, чтоб показать, что писал в данном случае, так сказать, не на полном серьёзе, а позволяя себе иногда пошутить. Как сказано в «Кратком словаре литературоведческих терминов», составленном профессором Л. Тимофеевым, «Юмореска — небольшое произведение в прозе или стихах, беззлобно высмеивающее отдельные частные явле-

ния в общественной или личной жизни». Автор действительно предлагает читателю не какие-нибудь многотомные труды или трактаты, а именно небольшие литературные этюды (или, как их модно теперь называть, эссе), в которых и на самом деле позволяет себе кое над чем беззлобно посмеяться (то есть именно над тем, что заслуживает такого беззлобного смеха, а не так чтоб уж над всем подряд). Таким образом, с точки зрения серьёзной литературоведческой науки, здесь всё в порядке.

Правда, в обычном, читательском понимании слова, юмореска — это совсем уж какая-нибудь чутошная литературная крохотулька, или, как теперь принято говорить, хохмочка. Читатель, привыкший к такому микроскопическому пониманию этого слова, возможно, будет разочарован, не встретив в предлагаемом сборнике столь полюбившихся ему крохотулечек, но, может быть, он всё-таки не будет очень сердиться, найдя несколько иную, но всё же вполне съедобную пищу для своего ума, и извинит автора, которому очень хотелось напомнить, что слово «юмор» имеет отношение не к одним крохотулькам, смешинкам, хохмочкам, чепушинкам, хохотулькам, хохморескам и пр., а содержит в себе и более серьёзный смысл.

Так или иначе, автор считает возможным оставить придуманное им название хотя бы как некую допустимую поэтическую вольность. Позволил же себе некогда Николай Васильевич Гоголь свои «Мёртвые души», написанные чистой прозой, наименовать поэмой.

В данном случае автор решил последовать примеру великого классика, хотя и вполне сознаёт своё место и помнит существовавшую некогда поговорку: «Что игумену можно, то братии — зась» (смотри примечание в конце книги).

Кстати, о примечаниях.

Настоящее издание снабжено научными комментариями, или, попросту говоря, примечаниями, включающими толкование малопонятных слов, выражений и оборотов речи, а также различные высказывания и замечания автора, которые по тем или иным соображениям не могли быть включены в основной текст. Главный

и, пожалуй, единственный недостаток подобного рода комментариев заключается в том, что они помещены в особом разделе, в конце книги, что значительно затрудняет чтение, так как, отыскивая нужное примечание, читатель каждый раз теряет страницу, на которой оставил чтение основного текста, отыскав же эту страницу, он теряет страницу, где следует читать очередное примечание, и бьётся, таким образом, словно рыба об лёд, без конца, или, вернее сказать, до конца, то есть пока окончательно не потеряет терпение. Во избежание подобных эксцессов лучше всего зажимать книгу на нужных страницах пальцами, а ещё лучше пользоваться бумажными закладками, хотя, правду сказать, они часто выскакивают и теряются, что очень злит читателя. Я лично нахожу выход в том, что обычно читаю в книге сразу целый раздел, а потом прочитываю сразу все комментарии к этому разделу. Таким образом, мне не приходится то и дело скакать по книге, подобно воробью, скачущему по земле в поисках хлебных крошек.

И тем не менее рекомендовать этот способ каждому из читателей не представляется возможным. Дело в том, что все читатели делятся по темпераментам, в соответствии с которыми и поступают. Как известно, по темпераментам люди делятся на сангвиников, флегматиков, холериков и меланхоликов. Сангвиники — это те, которые читают книги в спешке, не особенно вдумчиво и не обращая никакого внимания на всяческие комментарии, сноски и примечания, отчего, конечно, много теряют. Флегматики — люди дотошные. Эти читают с толком, с чувством, всё подряд, вместе с предисловиями, эпиграфами и послесловиями, и, если встречают примечание, они и его аккуратно прочитывают. Холерики читают кое-как, вразброд, пропуская неинтересные (по их мнению) места, выковыривая, так сказать, из пирога одну начинку; комментарии же когда читают, а когда — нет; вообще очень неряшливая в этом отношении публика! Наконец меланхолики — народ подозрительный, придирчивый, мрачный. Если им попадается в руки книга, они её не читают или раскрывают с конца и прочитывают одни комментарии (разумеется, если таковые имеются), после чего

швыряют книгу куда-нибудь в тёмный угол и уже больше не возвращаются к ней. И правильно, между прочим, делают, ибо, как сказал один неизвестный литературовед: «Важен не Шекспир, а комментарии к нему». Необходимо отметить, что темпераменты никогда не встречаются в человеческих особях в чистом виде, а каждый человек является как бы смесью различных темпераментов с преобладанием всё же какого-нибудь одного из них, что не всегда легко обнаруживается, в связи с чем делать рекомендации, как кому читать книгу (от начала к концу или от конца к началу), — дело весьма затруднительное, и это лучше оставить на усмотрение самого читателя. Всем, как говорится, своего ума не вставишь. Для писателя, в конце концов, важнее всего написать свою книгу правдиво, остальное — уже не его забота. Эту мысль прекрасно выразил один петух, который, как известно, изрёк: «Моё дело — проку-каркать, а наступит рассвет или нет, я за это не отвечаю».

Тем не менее движимый милосердием, идя, как говорится, навстречу потребителю, автор решил не снабжать свои сноски, как это обычно делается, номерами, избавив таким образом читателя от необходимости заглядывать каждый раз в конец книги. Пусть читатель читает себе без помех основной текст, так как и без комментариев ему всё будет понятно, а потом, если захочет, пусть почитает и комментарии.

Вот приблизительно всё, что автор хотел сказать в своём предисловии. А теперь читатель, если не потерял, так сказать, аппетита, может приступить к чтению пирога, то бишь — тьфу! — к чтению книги.

На берегу моря

Отдав дежурной распоряжение говорить всем, что директора нет и сегодня не будет, директор гостиницы «Приморская» Иван Степанович вышел из своего кабинета чёрным

ходом. К этой уловке Иван Степанович прибегал каждый раз, когда нужно было избавиться от какого-нибудь назойливого приезжего, во что бы то ни стало хотевшего поселиться в его гостинице. В этот день он уже выдержал схватку с несколькими посетителями, ни за что не желавшими верить, что свободных номеров нет и не будет, и поэтому находился в таком состоянии духа и тела, когда его, как он выражался, начинало передёргивать. Пройдясь по приморскому бульвару, он уселся на лавочке, на которой уже сидел какой-то одинокий гражданин в тёмно-зелёной фетровой шляпе и хмуро глядел на море.

Солнце только что скрылось за морем, отчего правая половина неба окрасилась пурпуром; слева же небо ещё светилось дневной лазурью. Море мерно плескалось о берег.

Директор шумно вздохнул, бросил косою взгляд в сторону своего соседа и, вытащив из кармана коробку папирос «Казбек», размашисто положил её рядом с собой. С таким же треком он положил на скамейку спички, снова стрельнул глазами в сторону мрачного гражданина и ещё раз вздохнул. По всему было видно, что Ивану Степановичу хочется поговорить, излить перед кем-нибудь свою душу. Хотя он и устал от разговоров и споров с бесконечными посетителями, но почему ему не поговорить так просто с хорошим человеком, которому до него нет никакого дела, который ничего от него не требует?

Иван Степанович достал папироску, постучал ею о крышку коробки и заговорил:

— Приятно посидеть на берегу моря, а? Папироску хотите? Вы курите? «Казбек», — предложил он, протягивая папиросы.

— Спасибо. Я — «Беломор», — коротко ответил сосед, и его рука машинально полезла в карман за папиросами.

Оба закурили и некоторое время молча дымили, глядя на море.

— Хорошее море, а? — возобновил разговор директор.

— Да.

— Успокаивающе действует на нервную систему, если хотите знать. Нервных людей посылают сюда лечиться. Что вы думаете? Они сидят на берегу, слушают шум моря, и это их успо-

каивает. Да-а, — протянул он и, видя, что сосед не поддерживает разговора, попытался поддержать его сам: — А на меня вот уже и шум моря не действует. Честное слово! Специальность у меня собачья. На всех лаю, если хотите знать. Я директор гостиницы. Вы знаете, сколько сюда приезжает отдыхающих? Это вам не Москва, не Ленинград. Это же курорт! Гостиница на самом берегу моря, пляж рядом, ресторан при гостинице. Это ведь удобно! Каждому сюда хочется, а номеров не хватает. Одному откажешь, другому откажешь, к вечеру — сумасшедший, никого моря не надо. Вы думаете, почему я здесь? Может быть, думаете, пришёл подышать воздухом? Нет! Я от полковника убежал. Честное слово! Такой полковник попался, что хуже не надо. Не так полковник, как его жена. Вот жена, скажу я вам, — хрен с редькой, а не жена. Я ей слово, она мне двадцать. «Вы, — говорит, — не умеете культурно с людьми разговаривать. Вы, кажется, видите, с кем имеете дело». Я говорю: «Я прекрасно, гражданка, вижу, что у вас муж полковник, но ведь гостиницы строятся не для одних полковников, а мне лично всё равно, что полковник, что простой человек. Простой человек даже лучше. Ему скажешь, что номеров нет, он и уйдёт себе». — «А, — говорит, — вам только и нужно, чтоб от вас ушли». — «Ничего, — говорю, — мне такого не нужно. Пожалуйста, сидите себе на здоровье, но я вам ясно сказал, что номеров нет». — «Ну, нет, — говорит, — так будут». — «Мне, — говорю, — лучше известно, будут или не будут». — «Ничего, — говорит, — вам не известно. Мы подождём». Вот и сидят теперь, ждут.

Мрачный гражданин неопределённо хмыкнул и с любопытством взглянул на своего разговорчивого соседа. Это подбодрило Ивана Степановича.

— Вы думаете, я не хотел им номера дать? — заговорил он с новой энергией. — Я хотел, честное слово, хотел, но когда со мной вот так разговаривают, то разве у меня самолюбия нет? Я так считаю: раз ты приехал, то твоё дело просить, а не требовать. А станешь требовать — пеняй на себя: ничего не получишь. Ко мне вот так один художник из Москвы целую неделю

подряд ходил и всё требовал номер. Вы думаете, он получил у меня номер? Фигу он получил, а не номер. Приходит, понимаете, однажды ко мне в кабинет этот художник — я тогда и не знал вовсе, что он художник, — и говорит: «Что это у вас за гостиница? В ней, может быть, постоянные жильцы живут? Я уже три дня хожу, и каждый раз мне дежурная говорит, что номеров нет». Я говорю ему: «Гостиница как гостиница, как и всякая другая. Каждый день кто-нибудь приезжает, каждый день кто-нибудь уезжает. Если хотите знать, номера и сегодня были, и вчера, и позавчера». — «Значит, дежурная просто врала мне?» — говорит он. «Зачем, — говорю, — врала? Это её обязанность — говорить всем, что номеров нет. Она ведь не распределяет номера. Номера распределяю я». — «Хорошо, — говорит он. — Значит, кто поверит дежурной, тот уйдёт ни с чем, а кто не поверит и догадается зайти к вам, — получит номер?» — «Ну, — говорю, — если есть свободные номера, то получит, а нет, так тоже уйдёт». И вы знаете, что говорит этот художник? «Вы, — говорит, — неправильно делаете: учите своих сотрудников лгать. Номера у вас получает не тот, кто раньше пришёл, а кому просто посчастливилось. Нужно было бы установить очередь. Я фактически вот уже три дня жду, а за это время у вас получили номера те, кто после меня пришёл». — «Зачем мне ваша очередь? — говорю я. — У меня и без очереди дела хватает. Если освободится вдруг номер, он у меня не будет пустым простаивать, всегда найдётся, кому сдать. Люди всё время приходят, всё время уходят. Вы вот уже где-то устроились, а тут, может быть, человек подойдёт, которому негде жить». Он говорит: «Так и мне негде жить. Я у случайного знакомого остановился. Зачем мне его стеснять? Я имею право в гостинице остановиться, как и всякий другой». Как вам это понравится? Он говорит о праве! Значит, каждый имеет право въехать в гостиницу, хочу я этого или не хочу. Знаете, что я ему сказал? Не знаете?

— Н-нет, — нерешительно протянул гражданин в шляпе.

— Так слушайте. Я сказал ему: «Я не знаю, какое у вас право, а если вы так разговариваете, то я вам скажу: наведай-

тесь завтра, сегодня ни одного свободного номера нет». Вот он и наведывался ко мне целую неделю подряд. Думаете, я не мог устроить ему номера? Конечно, с номерами трудно, особенно в разгар сезона, но ведь это же гостиница: каждый день уезжают люди, каждый день приезжают. Так он под конец сказал мне: «Я знаю, что вам надо. Вам надо вот это».

Директор потёр палец о палец, словно пересчитывал деньги, и спросил:

— Вы понимаете, что это значит? Это значит, что я хочу с него взятку. Вы слышали?

— Но ведь вы сами дали ему повод так думать. Если человек ведёт себя непонятно, то каждый может думать что хочет.

— Вот! — подхватил директор обрадованно. — Вы совершенно правы. Я сразу понял, что вы человек умный. Думай себе что хочешь, а зачем говорить? Я же вижу, какой человек пришёл. Хороший человек придёт, дежурная ему скажет, что номеров нет, так он не обижается. Он спросит у дежурной, как имя-отчество директора, приходит ко мне в кабинет: «Здравствуйте, Иван Степанович!» Всё по-хорошему. Такому человеку я всегда сделаю. Ну, если действительно нет номеров свободных, скажешь, чтоб пришёл позже. Такой человек не обижается, он придёт позже, зато получит, что ему надо. В этот сезон пожил, на следующий год снова приедет, как хороший знакомый; он ещё и приятеля с женой привезёт, и приятелю его номер устроишь. По-хорошему всегда можно. А этот художник — поверите? — за всю неделю даже имени моего не узнал, ни фамилии, только критику наводил!

Иван Степанович пососал догоревшую папиросу, отбросил её широким жестом в сторону, потом похлопал себя рукой по коленке и продолжал:

— А то бывает ещё такая публика: «Нет номеров, — говорит, — так я сяду и буду ждать». И что вы думаете? Досидится-таки, пока не увидит, что кто-нибудь из гостиницы выезжает. Вот и сейчас: я тут с вами сажу, а там полковник с женой сидит, а в восемь часов жилец из сорок седьмого номера выезжает.

А у меня этот номер уже давно одному заведующему пивной палатки обещан, потому что этот номер на двоих, а заведующий с женой в одиночном номере живёт. Ну, ладно, я этого пивного заведующего переведу в сорок седьмой, а полковник с женой пусть идёт в одиночный, всё равно от него не отделаешься.

Директор вздохнул и огляделся вокруг. Яркие краски заката давно погасли. Над морем загорелась бледная звёздочка. Она светилась желтоватым светом и висела точно над серединой горизонта. Казалось, она находилась именно там, где было нужно, что внушало удивительное чувство гармонии и симметрии. Море плескалось по-прежнему. Оно шумело так же, как днём, как вчера и как позавчера, как тысячу лет назад. Директор зевнул и, поднимаясь, сказал:

— Очень приятно было поговорить с вами. Благодарю за беседу. Теперь можно и по домам.

— Хорошо тому по домам, у кого дом есть, — мрачно сказал гражданин в шляпе.

— А что, вы, может быть, приезжий? — насторожился директор.

— Приезжий. И в гостинице у вас был. Дежурная мне сказала, что номеров нет. Вот сижу и не знаю, что делать.

— Голубчик, кто же с дежурными разговаривает? С директором говорить надо. Пойдёмте, я вижу, что вы хороший человек. С таким вниманием выслушали меня. Я вас устрою. Сделаем так: я переведу заведующего пивной палаткой в сорок седьмой, вам будет чудесный одиночный номер с видом на море. Вы же одинокий?

— А как же полковник?

Иван Степанович досадливо махнул рукой и скорчил гримасу, словно хватил уксусной эссенции:

— Э, полковник! Кто говорит о полковнике! В девять часов уезжает целая семья из пятидесятого номера. Найдётся место и для полковника. Всё хорошо будет.

Гражданин в шляпе достал из-под скамьи чемодан и с повеселевшим лицом зашагал вслед за директором к гостинице.

Нужно ли называть своих родителей предками и конями и о других подобных вопросах

I

Милая девочка Лялечка!
С куклой гуляла она
И на Таврической улице
Вдруг увидала слона...

Ха-ха! Я пошутил просто! Не слона увидела Лялечка. И вовсе не гуляла она, а шла первого сентября в школу. И не с куклой, а с сумкой, где лежали у неё букварь, и тетрадочки, и пенал с карандашиками — всё, что нужно каждому, кто идёт первый раз в школу. Тема эта столь поэтична, что хотелось заговорить о ней какими-нибудь милыми, трогающими за сердце стихами и настроить таким образом читателя на лирический лад.

На душе у Лялечки распускались цветы и гремели оркестры. Всё вокруг казалось изумительным и полным значения. Уже сколько дней — да что дней! — уже не первый год она мечтала о том, как пойдёт наконец в школу. Сколько раз с завистью смотрела на школьников, которые ранним утречком бодро шагали по улице с сумками. Для неё было бы счастьем хотя бы дотронуться до какого-нибудь из них. Они казались ей особенными существами. И сколько раз она расспрашивала и маму, и папу, и бабушку о школе, какие там мальчики и девочки, как они учатся, какие учителя? И мама, и папа, и бабушка рассказывали ей. И о школе, и об учителях, и о её будущих школьных друзьях, и о том, как Лялечка будет прекрасно учиться, и как учительница похвалит её, и о многом другом.

Ещё задолго до того как идти в школу, Лялечке купили школьную сумку со всеми принадлежностями и сшили новое платьице. Лялечка не раз примеряла платьице: боялась,

Содержание

ИРОНИЧЕСКИЕ ЮМОРЕСКИ

Предисловие автора	7
На берегу моря	13
Нужно ли называть своих родителей предками и конями и о других подобных вопросах	19
Ещё об одном, всем надоевшем вопросе	29
О детских игрушечках, глупых шуточках, удобствах для взрослых и пр.	40
О старых песочницах, волшебных лавках, смелых замыслах и золотом осле	50
А, Б, В (<i>Мечты и фантазии</i>)	58
Второй раз в первый класс	65
О вежливости, воспитанности и чувстве собственного достоинства (<i>Капельку об одном, чуточку о другом и совсем немножко о третьем</i>)	74
Об употреблении спиртных напитков	89
Ещё одно небольшое предисловие	110
О литмастерстве	112
Поговорим о поэзии	140
Трактат о комедии	154
В помощь критикам	193
Ещё одно необходимое предисловие (<i>Совсем маленькое на этот раз</i>)	199
О читателях	200
Комментарии	217
Комментарии к комментариям	259

КВАНТЫ СМЕХА

Часть первая. Смех в жизни	275
Часть вторая. Смех в искусстве	439